

№ 243
ВОЛНЕНИЕ
НА ВЕРХНЕ- И НИЖНЕ-АВЗЯНО-ПЕТРОВСКИХ
ЧУГУНОПЛАВИЛЬНЫХ И ЖЕЛЕЗОДЕЛАТЕЛЬНЫХ
ЗАВОДАХ ГУБИНА В ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБ.
(1857 г.)

☆

№ 248
1857 г., МАЯ 14.
ПРОШЕНИЕ ПРИПИСНЫХ КРЕСТЬЯН ВЕРХНЕ-
И НИЖНЕ-АВЗЯНО-ПЕТРОВСКИХ ЗАВОДОВ АЛЕКСАНДРУ II
ОБ УСТРАНЕНИИ ОТ УПРАВЛЕНИЯ ЗАВОДАМИ
ОПЕКУНА ЕВРЕИНОВА ЗА ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ
И НЕЗАКОННЫЕ ПОБОРЫ

13 числа сего мая по сделанной нам повестке Авзяно-Петровской заводской конторой, чтобы мы во исполнение приказа, данного оной г. опекуном Авзяно-Петровских заводов коллежским секретарем Евреиновым, сего же числа отправлялись в куренную урочную работу, а чтоб нам знать от заводской конторы, кому на который курень отправляться, сошлись в оную для разрядки, где от приказчика Федора Рыбакова приказ г. опекуна нам был объявлен, чтоб приняли мы, некоторые, 30 сажень куренной меры дров каждый, склали, ссыпали их, выжгли на уголь и доставили оный в завод на собственных лошадях в течение времени, начиная работу сию с 15 числа мая по 15 февраля, и чтоб из означенного количества дров непременно доставлено было 90 коробов угля, а ежели кем-либо доставлено поясненное количество не будет, в таком случае будет взыскан штраф один рубль серебром за каждый короб, и жестоко тот будет наказан розгами; но как недожег угля часто бывает от неспособных мест земли, иногда ветреной погоды или недобротных дров и каких-либо других обстоятельств, на этот предмет просили мы приказчика Федора Рыбакова, дабы он сходил к г. опекуну Евреинову и доложил об отмене возложенного им на нас штрафа и наказания, который, бывши у него и возвратясь в контору, приказал нам отправляться на назначенные места, не теряя времени, а г. опекун сделанного им о сем приказа отменять не согласен.

Причем вслед за приказчиком г. опекун Евреинов прибыл к конторе с казаком Павлом Рыбаковым на верховых лошадях, будучи в великом азарте, не принимая от нас в рассужде-

ние доклада нашего о сем, сделанного ему чрез приказчика и лично нами произносимого ему с должною учтивостью к нему. Прежде закричал, чтобы явились к нему полицейский с казаками и служителями конторы, разогнали эту бунтовскую шайку; по каковому распоряжению его в ту же минуту вышедшие служители из конторы начали нас разгонять, но он притом, не перенес азарта своего, бросился в толпу людей, начал хлестать имевшейся у него в руках плетью, вертясь на верховой лошади в толпе, кому почем успел попасть, и одного из нас, крестьянина Григория Дятлова, сшиб с одного удара с ног на землю прямо под свою лошадь, которая еще к тому же наступила на него ногами, от чего самого он сделался без чувств, видя чего г. опекун Евреинов драться остановился, приказывал служителям взять Дятлова и отправить в госпиталь для подания ему медицинского пособия. А мы притом просили его, чтобы он отправлять Дятлова в госпиталь предоставился, пока позван будет для присвидетельствования его местный священник, и как известно нам было, что в здешний завод прибыл г. пристав 2 стана Верхнеуральского уезда Есипов, просили и его с квартиры, чтобы и он освидетельствовал сие, который прибыл уже на место к конторе не менее продолжения трех часов по трем к нему нашим просьбам. А зашибленный крестьянин Дятлов лежал все на том месте, где зашиб его г. опекун Евреинов, в крови, истекающей из лица его.

Прибывшие поясненные лица посмотрели на зашибленного крестьянина Дятлова, тогда г. опекун распорядился взять в заводской госпиталь. Дятлов тогда же был взят и увезен туда при сопровождении лекарского ученика, служителей самого г. опекуна Евреинова и приказчика Федора Рыбакова, оставлен в оном для излечения и там уже чрез короткое время пришел в чувство, но испражняется с кровью, чего прежде с ним никогда не было, но был во всех частях здоров, не жаловался ничем. Г. опекун Евреинов по нанесении поименованному крестьянину Дятлову удара плетью сошел с лошади, все это время стоял между людьми, бывшими при этом событии, только кричал, чтоб мы ни о чем его в таком скопище народа не просили и просить его никак не отважились, приговаривая притом, что он человек, знающий коротко государственный закон, и законно все делает, причем много угрожал нам, что поступлено будет с нами по ходатайству его законным распоряжением так, как достойны закону бунтовщики. А мы как ни бунта или неповиновение начальству никто на это покушения не имели и прежде покушения на это не думали, а пришли в контору для того единственно, чтоб узнать кому на который курень явиться и попросить милости, чтобы он отменил штраф, столь велик положенный, а также и жестокое наказание, то посему необхо-

димым считаем и принуждены объяснить в этом прошении нижеследующие его действия по управлению Авзяно-Петровскими заводами г. опекуна Евреинова поступки, стеснительные для нас, во-первых, в том, что г. опекун Евреинов, какая бы то по быту нашему в крестьянстве ни была нужда, нет возможности притти и разъяснять ему об оной и недостатках наших одному человеку или двум в один раз о разных предметах или же об одном, потому что он, не принимая в рассуждение пояснения, кричит стоявшему казаку в передней гнать со двора вон или прикажет взять в полицию под арест, держит столько времени, сколь ему угодно, потом жалуется г. исправнику Авзяно-Петровских заводов Чупину, наговорит ему, что мы ни в каком его приказании не повинuemся, а всегда состоим в послушании. Также г. исправник по его, верно, рассказам, не входя в подробные расспросы, и оговоренных г. опекуном наказывает того розгами жестоко так, что дает 50 лозанов и более.

Неправильные оговоры г. исправнику Чупину, на нас производимые, явно доказательны: нынешним годом из нас крестьянин Иван Жвыкин взошел в присутствии г. опекуна Евреинова в заводской конторе, который был назначен в рубку куренных дров, просил его о выдаче ему топоров, а г. опекун закричал на него с ругательством взять в полицию и сам протолкал его до комнаты полиции, а в полиции приказал содержать его строго, и после того жаловался г. исправнику, что Жвыкин оказал ему грубость, а за это г. исправник Чупин наказал Жвыкина розгами, до 40 лозанов, на скамье, нарочно для того учрежденной, потом отправил на этап, где содержался он один месяц и там сделался больным, переведен был в полицию, а из оной в госпиталь и там пользовался тоже не менее месяца. Находимость Жвыкина в госпитале на этапе и при заводской полиции всего 11 недель, потом отпущен домой, во все это время Жвыкин пропитывал себя без всякого пособия от завода, так равно и семейство его, а как у Жвыкина за конторою нет додачи, в этом случае г. опекун распорядился по конторе считать долгом за Жвыкиным с тем, чтобы он пополнил заработкою сего долга.

Прошлого 1856 года в октябре месяце из числа кабальщиков крестьянин Ефим Каретников, Матвей Финаев, Яков Максимов и Степан Жвыкин, пришедших к г. опекуну Евреинову попросить его по невозможности их, как будучи они беспомощны от семейства, дабы г. опекун благоволил дать им для выжежки куч вспомоществование, заключающееся в одном человеке каждому, за которое они обязывались представить работу вполне так, как возлагается на каждого рубщика дров полного работника, но г. опекун приказал казаку с криком тащить их в полицию и задержать под караулом, где продержаны были

более недели, потом жаловался г. заводскому исправнику Чупину, который не вошел в должное разбирательство просьбы и невозможности, намерен был наказать всех их розгами, из них наказал только одного Степана Жвыкина так жестоко, что Жвыкин встал с места наказания и в то же время пал на пол, видя чего, г. исправник прочим производить наказания приостановился. Нижне Авзяно-Петровского завода крестьянку Татьяну Храмцову на Бельской пристани будто бы за неправильное печенье хлеба ею для прибывших к сплаву каравана татар, по жалобе ему их, также бил своеручно по щекам кулаками до кровавых ударов, из лица происшедших. Положенные законом свободные для нас торжественные дни и табельные по распоряжению его не даются вполне, многие работали в самых заводских и тоже внешних работах; не позволяет нам в те дни ходить во храм господен, а чтоб мы в оные занимались своими домашними заготовлениями, не взирая на то, что уроки по заводскому положению все выполнены каждым. Даже он во храме божьем не бывает и не был действительно во всю бытность его здесь ни на исповеди, ни у святого причастия; а провиант заготавливался им совершенно для заводов с ущербом, потому что заготовление оного производилось им хотя на занимаемые из предметных¹ установлений наличные деньги и большим количеством прямо из земледельческих рук, в особенности на нынешний 1857 год куплена рожь зерном в городе Верхнеуральске с доставкой в завод 7 000 пудов по 22 коп., а при заводе покупалась рожь и мука по 22 коп., 23 и 24 коп. — 48 992 пуда, из города Стерлитамака по 22 коп. 1 500, а всего до 70 992 пуда, но г. опекун все это заготовление показал подрядного от управляющего селом Петровским Андреем Алексеевым Богдановым, бывшим крестьянином г. Тимашева, ныне отпущенным им же на волю, и с ним на это заключив торговую записку, по которой показал, что куплено по подряду в 28 коп. пуд на круг.

Тоже и в прошедших годах заготовление ржаного хлеба большое количество, покупалось повольно прямо из земледельческих рук, но по окончании заготовления оного совершил с разными лицами торговые записки с прибавлением цен по 29 коп., тогда как было куплено от земледельческих рук 41 663 пуда по ценам 18 и 20 коп. пуд, овес покупался в настоящем году по 18 коп. серебром, а отпускает нам за заработки по 22 коп., а прошлого года покупался оный 15³/₄ при заводе, и, сверх того, доставил он таковой часть подрядного по цене выше показанной, а в завод привозилось оного значительно

¹ Так в подлиннике; очевидно, следует: кредитных.

много самими земледельцами, не дороже 15 коп., иногда и дешевле, а мы за невыдачу заработка покупать были не в состоянии, и многие продавцы уезжали с оным в другие места. Пшеница куплена была по 30 коп., а нам отпущена по 35 коп., а прошлого 1854 года, когда г. опекун Тимашев принял в управление свое Авзяно-Петровские заводы, купил и поставил в заводы пшеницы, выдавал нам за заработки по 40 коп., но она в тогдaшнее время продавалась здесь вольными продавцами на наличные деньги по 25 коп. и выше этой цены не было. И как мы тоже, не получая своевременно заработных плат и потому не имея возможности брать от вольных продавцов показанную низкою ценою, принуждены были получать заготовленную г. опекуном Тимашевым пшеницу по 40 коп., а дабы он понизил пшенице цену, обратились к нему об этом с просьбой. Г. Тимашев, не обратя на сие внимания, счел также за бунт и из нас крестьян Андрея Бардина, Семена Волкова, Егора Горбатова, Андрея Телятникова, Ивана Дмитриева и Луппа Маркина отправил на этап, продержал их там очень много времени и, наконец, без обследования по сему предмету о проступке их отправил в Богословские заводы для исправления поведения. Поименованные же люди поведения отнюдь не дурного, а во всем благочестивы и некоторые уже в преклонных летах.

Впрочем, на все именно припасы, заготовленные им и нам необходимо нужные по заводским работам, при выдаче нам таковых делается противу цен вольных продавцов надбавление, именно рукавица барановая продается здесь лучшая 30 коп. Отпускается первый сорт еще несоответственно против цены вышепоясненной в 40 коп., а последний, который стоит не дороже 20 коп., в 30 коп. каждая пара. Шинное железо, для оковки колес потребное, занимающимся конною заводскою работою людям по одному рублю серебром каждый пуд, кирпич для печей домашних получается нами 30 коп., а заводу стоит он по заготовлению 21½ коп., который от бывшего г. владельца Губина получали без взыскания. За рубку куренных дров, производимую иногда женским полом и людьми преклонных лет, которые от работ уже освобождены, а иногда окончившими положенный урок полными работниками, так называемую, повольно платит г. опекун только 50 коп., а показывает по документам 57²/₇ коп.

Прошлого 1856 года г. опекун, бывши во обще с г. исправником Чупиным при Нижне-Авзяно-Петровском заводе, обзревая там заводские работы, г. опекун был на плотине и лесопильной фабрике, а г. исправник Чупин в кричной фабрике. К сему последнему из крестьян Петр Дураков, Иван Осипов, Вавил Максимов, Федор Косолапов, Степан Егупов, Дементий

Зеркин, Василий Евсигнеев, Яков Дмитриев, Филипп Симаков, Фалалей Чаев, Иван Восючков, Козьма Зеркин, Константин Дмитриев, Финогент Дураков, Данила Максимов и другие просили г. исправника Чупина, дабы он настоял у г. опекуна Евреинова о выдаче состоящей платы, не отданной за передельное железо, оставшейся бывшим опекуном Васильевым, чего увидел г. опекун Евреинов с заводской плотины. Потом, пришедши в фабрику, спросил верхового мастера, чего домогались от г. исправника кричные мастера, и как верховой объяснил ему, что просят они о выдаче за старый передел, не отданной им бывшим г. опекуном платы. При этом г. опекун побежал по кричной в азарте с тростью в руках на работавших под молотами мастеров и из них первоначально нанес два удара оною мастеру Дементью Зеркину, и один дал удар в щеку кулаком, затем подбежал к другому, Фалалею Чаеву, который тоже занимался пробивкою полосы под молотом, и сего последнею рукояткой той же трости ударил раз по зубам, рассек ему губы до крови, более сего никого бить не стал, а ушел в контору и распорядился там созвать кричных в оную. По явке кричных в контору Петра Дуракова, Ивана Осипова и Вавила Максимова в присутствии г. исправника наказал розгами, а прочих оставил без наказания, при сем событии кричал на всех, что г. исправник никак не смеет распорядиться им, а что он, г. Евреинов, чего только желает сделать с нами, то и может. Если захочет наказать двух или трех нас до смерти, в том суда на него не будет и жаловаться некому, он сам царь, государь и бог; но г. исправник при наказании поименованных крестьян молчал, только сказал: «Наносить удары розгами реже».

При работе нашей в кричной фабрике довольно бывает то, что выданной нам пропорции уголь на выковку железа не сожигаем, и иногда по неожиданной причине сожигаем излишней; за излишне сожженный уголь г. опекун взыскивает с нас по стоящей заводу цене, то есть 57²/₇ коп., а оставшийся в излишке недожег угля по многим нашим просьбам, чтобы заменить оным излишне сожженный, сего не позволяет, но отбирает бесплатно и говорит только то, что спасибо, ребята, за это, что сделал недожег угля. Прекратил выдачу награды, положенную прежними владельцами за выковку свыше 80 пудов железа в неделю 15 коп. сереб. На многих из крестьян налагает и взыскивает денежные штрафы из заработанных нами плат, совершенно безвинные. По доставке на ярмарку железа, выковаемого при здешних заводах ежегодно, продается им оно дешевле против соседственных Кагинских заводов, значительно низкою ценною, так что не выручает от одного рубля серебром, а заводы Кагинские ежегодно получают свыше рубля серебром за каждый пуд данного за одно полосовое, а других

сортов при оных не выделяется. Но со здешних отправляется в каждом караване значительная часть листового и шинного, но делается ли об этом ему, опекуну, учет в том каком-либо месте или лицом, того нам видеть невозможно. Изложив поступки г. опекуна Евреинова о жестоком обращении его с нами и видя по всем обстоятельствам решительно разорение во всех вообще нас по невыдаче зарабатываемых плат, которых состоит за контору 12 674 рублей, накопившихся по настоящее время, и многих долгов как частным людям, так равно и казенных, можно думать, что они будут неуплатны вовсе.

И в доказательство сего по сущей справедливости подтвердить имеет каждый крестьянин, но не одни только избранные для изложения в просьбе сего обстоятельства вышепоименованные люди, но все из нас полагаем, что мы терпим и страдаем по невыдаче нам плат при всей нашей радивости к пользе заводов от бесхозяйственного распоряжения г. опекуна, приходимо все от того далее в совершенное разорение и бедность; и не предвидим никакой надежды, чтоб быть и пропитывать себя и семейства наши безбедно, несмотря на то, что и сами заводы год от года вовлекаются больше в долги, нежели как они состояли при содержании оных бывшим заводовладельцем г. Губиным, которому приносили уже в прошлом году жалобу, что опекунское управление во всех частях отступило от положения, как назначено тому правительством, на которую не видим защиты ни с его стороны и ни со стороны другого правительственного места, никакого решительного распоряжения в том, чтобы мы получали по трудам нашим своевременный расчет, не бедствовали бы и не разорялись до крайности, и заводы не входили бы более и более в долги. Не представляя уже о том, что чрез столетие существования заводов наших, г. Губина, восстанавливаются за башкирские, лесом истощенные и местностью неудобные, земли новый кортом, от которого и от башкирских долгов, накопленных опекунами в 10-летнее их содержание заводов. К крайнему бедствию же нашему, истинных покупателей заводов до сих пор еще не видится, а только мнимые, и посему всеподданнейше просим, дабы было высочайшим вашим императорского величества указом по изложенным в первом пункте обстоятельствам стесняемых нас при нашем бедном быту опекунским управлением войти в законное о сем исследование и г. опекуна Евреинова от управления оными устранить. Мая 14 дня 1857 года к поданию надлежит его превосходительству господину министру финансов. Прошение сие со слов вышепоименованных просителей вчерне сочинял Верх[не]-Авзяно-Петровского завода служитель Ефим Филатов Калугин. Переписывал и вместо крестьян Михаила Квасника,

Егора Полетовкина, Василия Фомина и Ивана Егупова по безграмотству их и по личной просьбе руку приложил того же завода служитель Сергей Павлов Горбатов, место жительства все имеем: Оренбургской губернии, Стерлитамакского уезда в заводе Авзяно-Петровском г. Губина.

ЦГИАЛ, ф. 37, Горный д-т, оп. 5, д. 1294,
л. 1—6.